

Тело вдруг стало невесомым, точно его подхватили и приподняли над землёй.

Юй Тяо едва очнулся и с трудом разомкнул веки. Перед ним, хмуря густые брови, стоял человек, от одного взгляда на которого веяло морозной, подавляющей силой.

— Юй Тяо, проснись.

Лу Куаньдун прижимал его к себе. В другой руке он всё ещё держал сигарету — алый огонёк подбирался к самому фильтру, а на полу у его ног темнела кучка стряхнутого пепла.

Стоявший неподалёку дворецкий тихо поинтересовался:

— Молодой господин, вызвать врача?

— Сначала принеси сухое полотенце, — Лу Куаньдун отдал сигарету, к которой толком и не прикоснулся с самого прихода.

— Слушаюсь.

Вскоре сухая ткань смахнула выступавший на лбу холодный пот. Юй Тяо всё ещё не мог разобраться, где явь, а где сон: силуэт перед ним расплывался в подступающей пелене. Теряя контроль над сознанием, обманутый неожиданной мягкостью и заботой, он всплыл из глубин бреда и сдавленно прошептал то самое имя, о котором думал день и ночь.

Голос был слишком сиплым и тихим, чтобы Лу Куаньдун разобрал первое слово. До его слуха долетел только слабый остаток фразы:

— Я так скучал по тебе...

Рука Лу Куаньдуна замерла. Эти слова будто материализовались в воздухе и сковали его тисками, не давая двинуться.

Однако оцепенение длилось лишь мгновение. Стерев слезу со спутавшихся ресниц Юй Тяо, Лу Куаньдун заговорил своим обычным, холодным тоном:

— Эти слова ничего не изменят. Я по-прежнему терпеть не могу, когда ты ныряешь в слёзы.

— Я больше не буду... — пролепетал Юй Тяо. — Пожалуйста... вернись ко мне, а?

Боль из кошмара, где Лу Куаньдун швырнул его к стене, просочилась в реальность: спину ломило, а всё тело горело огнём. Каждый его выдох казался обжигающим паром, рвущимся из

закипающего чайника.

Покорность Юй Тяо на мгновение сбила Лу Куаньдуна с толку, но он лишь раздражённо бросил:

— Не можешь нормально говорить — молчи. Слушать тошно.

Юй Тяо замолчал и пару раз сухо кашлянул. Он невольно потянул руку к загривку, пытаясь дотянуться до железы. Там снова начался нестерпимый зуд — не такой, как от укуса комара, а глубокий, мучительный, словно сотни мелких насекомых въедались прямо в плоть, и никакое расчёсывание не могло принести облегчения.

Широкая ладонь крепко обхватила его запястье.

— Что ты делаешь? — насупился Лу Куаньдун.

— Железа... горит... — с трудом выдавил Юй Тяо. — Мне плохо...

Из его бессвязного шёпота Лу Куаньдун всё же выхватил главное:

— Опять зудит?

Юй Тяо нахмурился, и из глаз снова покатались слёзы. Он умел быть покорным, знал, как угодничать и лебезить, мог вытерпеть любые унижения, но физическая боль была выше его сил. Это стало следствием неудачной операции в старшей школе — нервные окончания обострились, сделав его чрезвычайно чувствительным к малейшим болезненным ощущениям.

— Я подожду за дверью. Если что-то понадобится, позовите, молодой господин, — понимающе произнёс дворецкий и тихо удалился.

Лу Куаньдун подхватил Юй Тяо на руки. Рельефные мышцы на его руках напряглись под светом лампы. Он прижал парня к своей груди и пальцами зацепил воротник его рубашки. Лёгкий потяг — и ткань соскользнула с узких плеч, обнажив испещрённую старыми шрамами спину.

— В прошлый раз тоже так зудело? — спросил Лу Куаньдун. — И ты хотел, чтобы я тебя укусил?

Юй Тяо плохо соображал, кто перед ним, но впитавшаяся в плоть и кровь привычка подчиняться заставила его простонать:

— Угу...

Уголки губ Лу Куаньдуна пренебрежительно опустились, а во взгляде не осталось и капли тепла. Не делая ни малейшей скидки на болезнь, он холодно прочеканил:

— Помнишь, что я тебе говорил? Если ещё хоть раз вымоешься холодной водой, будешь принимать душ вместе со мной.

Этот знакомый, властный тон заставил Юй Тяо встряхнуться.

Мутный взор Юй Тяо постепенно прояснился. Лицо Лу Куаньдуна — резкий изгиб надбровных дуг, прямая линия носа, очерченный подбородок — будто попало в объектив фотоаппарата. Юй Тяо моргнул, словно спустил затвор, запечатлевая в памяти этот образ: взгляду Лу Куаньдуна сейчас были присущи редкие, едва уловимые живые нотки.

Юй Тяо часто снились кошмары, и чувство возвращения из небытия к реальности было ему до боли знакомо. Окончательно осознав, что перед ним настоящий Лу Куаньдун, он на миг испугался, но тут же взял себя в руки. Правда, из-за лихорадки мысли путались, и первая же произнесённая им фраза прозвучала странно:

— Ты на меня злишься... Поэтому ты мне и приснился.

Лу Куаньдун прикрыл глаза, справляясь с раздражением, и спустя пару секунд отрезал:

— Мне нет дела до твоих снов. Я спросил: какого чёрта ты опять вымылся ледяной водой?

Мыслительный механизм в голове Юй Тяо окончательно заржавел. В обычном состоянии он бы судорожно пытался угадать ход мыслей собеседника, но сейчас смог лишь сбивчиво пробормотать:

— Не буду... правда не буду... Лу Куаньдун, ты... ты можешь снова укусить мою железу?

Тёмные, глубокие глаза Лу Куаньдуна въелись в его лицо — так хищник свысока разглядывает загнанную добычу.

Приоткрыв губы, он опёрся подбородком о его обнажённое плечо, но прокусывать кожу не стал. С той же самой нежной, едва ощутимой силой, с какой Юй Тяо целовал его этим вечером, Лу Куаньдун лишь слегка коснулся его железы и тут же отстранился, оставив короткое прикосновение. В нос ему ударил запах парфюма — более насыщенный, чем прежде, но совсем не отталкивающий, а приятно-прохладный, освежающий.

Дыхание Юй Тяо, поначалу рваное, немного выровнялось. Растерянно распахнув глаза, он

уткнулся взглядом в накиннутую на него куртку Лу Куаньдуна, сквозь ткань которой еле пробивался слабый свет.

Эта дразнящая неопределённость мучила его. Он-то надеялся, что полыхающий внутри пожар вот-вот зальют ледяной водой, а вместо этого дунул ветер, раздувая пламя ещё сильнее.

Забыв обо всём на свете, Юй Тяо вскинул руки и обвил шею Лу Куаньдуна.

С трудом приподнявшись, он обжёг своим горячим дыханием чужое ухо, но не успел вымолвить ни слова мольбы, как над ухом раздался холодный голос:

— Тебе плохо? — тон Лу Куаньдуна был отстранённым, пропитанным властной, давящей силой.
— Терпи.

Юй Тяо не понимал, чем снова навлёт на себя гнев, а тот безжалостно продолжал методично наносить удар за ударом:

— Юй Тяо, тебе не кажется, что ты в последнее время слишком часто болеешь?

— Я не намерен тратить на тебя своё внимание.

— Почему ты поддакиваешь мне лишь для вида? Думаешь, я стану тебе во всём потакать?

— Я давал разрешение целовать меня без спроса?

— Я позволял тебе говорить со мной в таком тоне?

Каждый вопрос звучал как приговор. Он даже не давал Юй Тяо шанса оправдаться, словно тот совершил нечто непростительное.

— Извини... Прости меня...

— Ты каждый раз извиняешься только для того, чтобы усыпить мою бдительность. А в следующий раз снова сделаешь по-своему.